

Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов

УДК 338.2
ББК 65.209.1

© Кожевников А.В., Пономарева С.А.

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ И МОНИТОРИНГА «ТЕНЕВОГО» СЕКТОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

КОЖЕВНИКОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ
заместитель Губернатора области
Правительство Вологодской области
E-mail: pr_kozhevnikov@gov35.ru

ПОНОМАРЕВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА
кандидат экономических наук, начальник департамента
Департамент стратегического планирования Вологодской области
E-mail: ponomarevasa@gov35.ru

Вологодская область – один из первых регионов Российской Федерации, который сформировал комплексную систему противодействия теневому сектору экономики: от методики оценки объемов теневого сектора и декомпозиции неформальной занятости в разрезе видов деятельности и муниципальных образований до нормативно-правового закрепления основных дефиниций, таких как «теневая экономика», «неформальная занятость» в региональных документах правоприменения. В статье представлены основные методические подходы к оценке теневой экономики и неформальной занятости, отличительной особенностью которых является базирование на данных официальной статистической и ведомственной информации с корректировкой на экспертные, макроэкономические и корреляционные индикаторы. Предложенный подход может быть рекомендован в практику деятельности как государственных, так и муниципальных органов власти. Информационная база и процедура предложенной методики может рассматриваться как форма мониторинга теневого сектора экономики в регионе.

Теневая экономика, теневой сектор, ненаблюдаемая экономика, региональная экономика, неформальная занятость, нелегальное предпринимательство, диагностика и мониторинг теневой экономики.

Проблематика развития теневого сектора экономики и ее влияние на экономическую безопасность страны и регионов нашла отражение в научных трудах российских ученых, таких как А.Ю. Архипов, И.И. Елисеева, А.П. Кузнецов, Е.Б. Капралова, А.С. Найденов, М. Кийко, И. Маслова, Т. Барабенкова, В. Гимпельсон, М.Г. Завельский, Р. Капелюшников, В.А. Гамза, Я.Д. Ширяева, А.Р. Бахтизин, В.Н. Богуславский, Э.Н. Соболев, А.Н. Ширина, С.Б. Чернов и другие исследователи.

В настоящее время «теневой» сектор экономики значительно интегрирован в социально-экономические процессы национальных и региональных систем, что усложняет выбор управленческих инструментов и механизмов противодействия ему. При реализации государственной политики необходимо исходить из принципов комплексности и сбалансированности, а также учитывать риски и последствия проводимых мероприятий как непосредственно на участников неформальных экономических отношений, так и на субъектов легального бизнеса.

Неоднозначность влияния «теневое» сектора экономики на социально-экономические процессы формирует противоположные взгляды на понимание причин и результатов данного негативного проявления экономического развития.

Как правило, теневой сектор возможен в начальной стадии развития производственно-экономических отношений и становления индивидуального предпринимательства. Однако в дальнейшем по мере эволюции теневая экономика несет в себе деструктивный и разрушающий характер, приводящий к деградации предпринимательства, промышленности, бюджетной и внебюджетных систем.

Действительно, скрытые доходы граждан позволяют поддерживать приемлемый уровень жизни и нивелируют в краткосрочном периоде признаки социальной

дестабилизации. Однако по мере распространения теневого сектора в различные сферы деятельности он «парализует» нормальное протекание экономических процессов, в первую очередь общественного воспроизводства и перераспределения.

Назовем основные последствия деятельности «теневое» сектора экономики и одного из его многочисленных проявлений – неформальной занятости.

Во-первых, нарушается система денежного предложения, когда «скрытые» доходы населения подогревают потребительский спрос на продукцию и тем самым искусственно стимулируют инфляционный рост цен на товары и услуги в регионе.

Во-вторых, занижение официальных доходов ограничивает возможности для стимулирования инвестиционного спроса, в частности, ипотечного кредитования. Что, с одной стороны, существенно повышает кредитную ставку для потребителей региона (производится корректировка на риск), с другой – сужает возможности для развития индивидуального жилищного строительства как одного из важнейших драйверов экономического роста, пространственной рурбанизации и активизации демографических процессов.

В-третьих, теневые доходы и капитал во избежание их выявления и учета со стороны контрольно-надзорных органов власти стремятся к скорейшему оттоку из региона-резидента в другие субъекты РФ или страны, что значительно ограничивает возможности для реализации инвестиционного потенциала региона.

В-четвертых, налог на доходы физических лиц – основополагающий источник региональных бюджетов, снижение поступлений по которому может спровоцировать риски несбалансированности бюджетной системы и сокращение социальных и публичных обязательств со стороны органов исполнительной государственной власти.

В-пятых, информация о социально-экономическом положении в регионе искажается из-за отсутствия объективных сведений о масштабах «теневого» экономики и размерах неформальной занятости, что создает риск неэффективных управленческих решений как со стороны органов власти, так и со стороны корпоративных структур.

В-шестых, участники «теневых» отношений, формируя экономию по затратам на оплату труда, охрану труда, налоговым и страховым отчислениям, более «эффективны» и «рентабельны» в сравнении с легальным бизнесом, что неизбежно создает риск либо его выдавливания с рынка путем ценовой конкуренции, либо его перехода в «тень».

В-седьмых, «теневого» сектор экономики не заинтересован в долгосрочном вложении финансовых средств, как правило, инвестиционная активность в регионе локализации «теневых» субъектов сведена к нулю.

В-восьмых, официальная заработная плата не отражает объективный уровень жизни населения, что сказывается на неадекватной оценке, прогнозе и приведении к нормативу среднерегionalной заработной платы доходов бюджетников¹.

В-девятых, субъекты «теневого» сектора экономики не мотивированы внедрять ресурсо- и энергосберегающие технологии, повышать производительность труда [5, с. 370], инвестировать в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, развивать квалификацию работников, создавать безопасные и высокопроизводительные рабочие места.

Как отмечают в своем исследовании А.С. Найденов, И.А. Кривенко [14], негативные проявления результатов теневой эко-

¹ «Майскими» указами Президента Российской Федерации – от 7 мая 2012 года № 597 – предусматривается ежегодный рост заработных плат отдельных категорий бюджетников и приведение их в соответствие с нормативом средней заработной платы по региону.

номики особенно болезненно проявляются во время структурных кризисов. Усиливается ряд угроз, связанных с «уменьшением налоговых поступлений, с функционированием официальных предприятий, рынков и с уходом предприятий в теневой сектор».

Теневой сектор, «скрывая» свое участие в распределении и перераспределении государственных, корпоративных и личных финансовых потоков, приводит к искажению понимания и протекания макроэкономических и социальных процессов, таких как инфляция, реальные располагаемые доходы, инвестиции, отложенный спрос, потребительский спрос, занятость, безработица, нищета, рентабельность и убыточность и т. д.

В целях формирования объективной информационной картины о процессах, происходящих на макро-, мезо- и микроуровнях экономической иерархии, актуальной становится разработка методики диагностики и оценки теневого сектора экономики.

Индикатором активности «теневого» экономики выступает неформальная занятость. Как показал анализ научной литературы [13; 14], существуют отличия в понимании «неформальная занятость» (1-й тип) и «занятость в неформальном секторе» (2-й тип). Для удобства восприятия отличительные признаки данных категорий представлены на *рисунке*.

Таким образом, под неформальной занятостью в легальном секторе экономики будем понимать занятость, подлежащую отражению и государственному регулированию, в которой, однако, по договоренности сторон либо в одностороннем порядке может занижаться размер заработной платы, уменьшаться объем рабочего времени, подменяться трудовой договор гражданско-правовым.

Отличительным признаком данной формы неформальной занятости является официальная государственная регистрация работодателя в качестве юридического лица

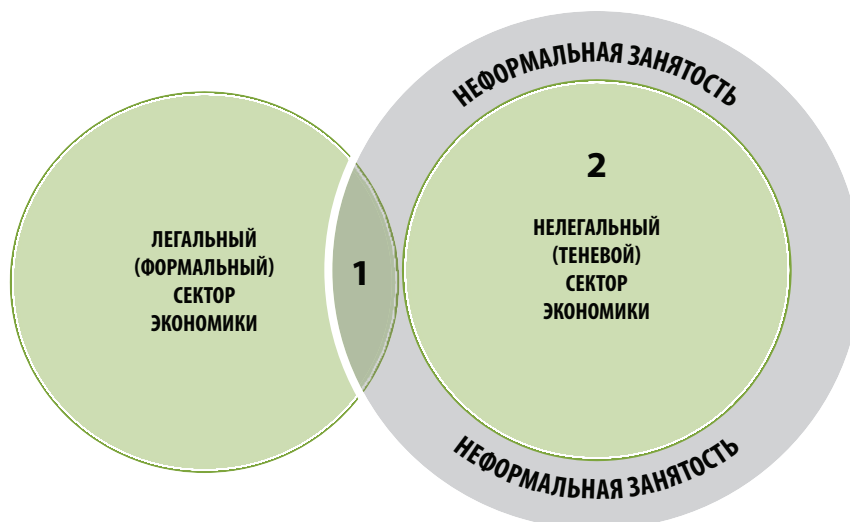

Рис. Соотношение неформальной занятости в легальном и «теневом» секторах экономики

или индивидуального предпринимателя. Работник де-факто дает согласие на официальное занижение заработной платы, что позволяет работодателю де-юре выполнять все предусмотренные законодательством обязательства как в части трудового, налогового, так и страхового законодательства. При таком типе неформальной занятости весь риск негативных последствий, в том числе в сфере пенсионного обеспечения, переносится на работника.

Подтверждением наличия неформальной занятости первого типа также могут выступать:

1) отсутствие перечислений налогов на доходы физических лиц и страховых взносов при наличии трудовых договоров либо расхождения в данных по численности и объемам перечисленных налогов и страховых взносов в Федеральной налоговой службе и внебюджетных фондах;

2) практика оформления трудовых договоров с «открытой» датой либо отсутствие официально оформленных трудовых договоров с работником;

3) выплата заработной платы в двух формах: официально – в пределах либо ниже прожиточного минимума или МРОТ, остаток дохода – «в конверте».

Отсутствие регистрации, как работодателя, так и работника, а также наличие занятости, не нашедшей отражения в официальном государственном или корпоративном учете (статистический, страховой, бухгалтерский, налоговый учет), формирует второй тип неформальной занятости («занятость в «неформальном» секторе экономики). По мнению Е. Кубишина [8, с. 11], основной мотивацией при формировании неформальной занятости второго типа является «преднамеренное уклонение от какого то ни было контроля, учета, регулирования со стороны государства».

Как отмечают ученые И. Маслова и Т. Бараненкова [13, с. 92], «в связи с «размытостью» границ неформального сектора и неформальной экономической деятельности определить общие масштабы неформальной занятости сложно».

Современным научным сообществом предлагается широкий спектр методик оценки теневой экономики и неформальной занятости, основывающихся как на данных официальной государственной или корпоративной статистики, так и на выборочных экспертных или социологических обследованиях и опросах.

Методики оценки неформальной занятости и теневого сектора экономики, представленные в отдельных научных работах [2; 3; 9; 11; 12; 13; 14; 15], ограничивают их использование в текущей деятельности органов власти, так как не только не позволяют чиновнику осуществлять своевременную диагностику и мониторинг процессов в секторе теневой экономики и неформальной занятости, но и не формируют своевременную объективную обратную связь по результатам реализуемых управленческих решений, в том числе в разрезе муниципальных образований и видов экономической деятельности.

Росстат осуществляет досчет «теневой» экономики (в методологии ведомства используется более широкое понятие – ненаблюдаемая экономика), в том числе путем корректировки «по итогам базовых таблиц «затраты – выпуск», итоги которого публикуют только через 4 года после анализируемого периода [10, с. 20]. Таким образом, годовой лаг опоздания не позволяет использовать скорректированную информацию в качестве оперативной, характеризующей ситуацию в «теневом» секторе региона/отрасли/муниципального образования и оценивать эффективность реализуемых мер государственного реагирования.

Для формирования государственной политики в области противодействия теневому сектору экономики первостепенной задачей является определение размеров и структуры теневого сектора экономики, в том числе неформальной занятости.

Отсутствие единой методики диагностики и мониторинга теневой экономики, признанной органами власти, побудило Департамент стратегического планирования Вологодской области искать методологические подходы к оценке неформального сектора. В основу расче-

тов была заложена официальная статистическая и ведомственная информация Росстата и внебюджетных фондов, что позволило осуществлять ежеквартальный мониторинг основных параметров «теневой» экономики и неформальной занятости.

Представленная авторами методика диагностики и мониторинга теневого сектора региональной экономики реализуется в 4 этапа.

Этап 1 Диагностика теневого сектора экономики

Заключается в выявлении прямых или косвенных индикаторов «теневой» экономики / неформальной занятости (stop-факторов) в социально-экономической сфере региона.

Рекомендуется проанализировать следующие данные официальной статистики и выявить следующие тренды (по данным регионального управления Росстата, Центрального банка РФ):

1) изменение среднесписочной численности работников (с учетом изменения численности пенсионеров, безработных, уволенных и сокращаемых);

2) наличие «разрыва» в абсолютном выражении и динамике изменения показателей «численность экономически активного населения» и «среднесписочная численность»;

3) расхождения (отклонения) между душевыми показателями в абсолютном выражении и динамике их изменения: «доходы населения/заработная плата», «расходы населения», «средства, остающиеся на руках населения» (наличный оборот), «средств населения на счетах в кредитных организациях»;

4) рост в структуре доходов населения «прочих доходов» (формируется путем досчета и учитывает доходы от неформальной занятости);

5) увеличение разрыва в динамике изменения объемов продаж производимой продукции/оказываемых услуг и объемами налоговых поступлений (в консолидированный бюджет региона);

6) недостаточное влияние отраслей теневого сектора экономики на прирост ВРП.

Дополнительную информацию в рамках межведомственного взаимодействия могут дать сопоставление баз данных, подтверждающих разрывы между уплачиваемыми налогами на доходы физических лиц и страховыми взносами, сопоставление информации по организациям с нулевой отчетностью, предоставление информации по налогоплательщикам, с доходами ниже МРОТ.

В случае подтверждения stop-факторов и выявления негативных трендов принимается решение о мониторинге теневой экономики, в том числе неформальной занятости (в рамках 2-го, 3-го, 4-го этапов).

Этап 2

Оценка численности неформальной занятости

В качестве исходной информационной базы для оценки численности неформально занятых рекомендуется использовать сведения о численности застрахованных в системе обязательного медицинского или пенсионного страхования, которая позволяет разделить фокус-группы населения по гендерным и возрастным признакам:

$$S = S_y + S_x, \quad (1)$$

где:

S – численность населения региона, застрахованного по обязательному государственному страхованию (обязательное медицинское страхование – далее ОМС) на отчетную дату;

S_y – численность работающего населения (y), застрахованного в системе обязательного государственного страхования (ОМС) на отчетную дату, где $S_y = S_y^n + S_y^m$;

S_x – численность неработающего населения (x), застрахованного в системе обязательного государственного страхования (ОМС) на отчетную дату, где $S_x = S_x^n + S_x^m$;

S^n – численность населения, застрахованного в системе обязательного государственного страхования (ОМС) в трудоспособном возрасте, где $S^n = S_y^n + S_x^n$;

S^m – численность населения, застрахованного в системе обязательного государственного страхования (ОМС) в нетрудоспособном возрасте $S^m = S_y^m + S_x^m$.

Определяется численность неработающего населения в трудоспособном возрасте (брутто-значение неформальной занятости или S_x^n).

Для оценки возможных объемов неформальной занятости требуется откорректировать брутто-показатель на численность населения, принадлежащего к социальным группам, которые по объективным причинам не могут быть заняты в секторе официальной занятости – нетто-показатель неформальной занятости, или

$$S_x^n - \sum k_i = S'_x^n, \quad (2)$$

где:

$\sum k_i$ – корректирующие i -факторы (официально безработные, находящиеся на учете в службе занятости; женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам; неработающие инвалиды; неработающие пенсионеры в трудоспособном возрасте, ухаживающие за нетрудоспособными гражданами и другие).

Этап 3

Оценка объемов неформального фонда оплаты труда и упущенной потери регионального бюджета и внебюджетных фондов

Определяем норматив минимальной заработной платы в теневом секторе экономики на уровне значения коэффициента

покупательной способности среднестатистического денежного дохода населения² или N_{lv}

$$S'_x \cdot N_{lv} \cdot P = \sum CF_{ie}^P, \quad (3)$$

где:

$\sum CF_{ie}^P$ – суммарный «теневой» фонд оплаты труда неформально занятыми работниками трудоспособного возраста (нетто-оценка) за P период, позволяющий обеспечить уровень жизни, не ниже, чем в среднем по региону (на уровне не ниже потребительской способности N_{lv}).

Результаты опроса³ руководителей предприятий различных отраслей и форм собственности (далее – опрос), проведенного в 2014 году Департаментом стратегического планирования области, подтвердили предположение о наличии неучтенных доходов/выручки как источника формирования «теневое» фонда оплаты труда неформально занятых.

Следовательно, производится оценка вклада неформального сектора экономики («теневое» фонда оплаты труда) на основе произведений среднегеометрического соотношения фонда оплаты по каждому виду деятельности и объема производимой продукции (в денежном эквиваленте):

$$\sum V_{ie}^P = \sum CF_{ie}^P \div \frac{\prod (CF_i)^{1/n}}{\prod (V_i)^{1/n}}, \quad (4)$$

где:

$\sum V_{ie}^P$ – суммарный объем выручки от реализации, формируемый в «теневом» секторе

² Для Вологодской области значение составляет 2 прожиточных минимума за январь – июнь 2015 года. (Источник: Расчет Департамента стратегического планирования). Среднедушевые доходы населения (Вологдастат) делятся на величину прожиточного минимума в Вологодской области (устанавливается Постановлением Правительства области); период расчета – ежемесячно.

³ Опрос 26 руководителей предприятий был проведен в сентябре – декабре 2014 года Департаментом стратегического планирования Вологодской области.

экономики за P период (за счет экономической выгоды от неформальной занятости) по i видам деятельности;

CF_i – фонд оплаты труда по i виду экономической деятельности за P период;

V_i – объем производимой продукции в денежном эквиваленте за P период;

n – количество i видов экономической деятельности, используемых в расчете $i \in \overline{1, n}$.

Производится оценка «теневое» объема валовой добавленной стоимости на основе произведений среднегеометрического соотношения добавленной стоимости и объемов производимой продукции по i видам экономической деятельности:

$$G_{ie}^P = \sum V_{ie}^P \cdot \frac{\prod (AV_i)^{1/n}}{\prod (V_i)^{1/n}}, \quad (5)$$

где:

$\sum G_{ie}^P$ – суммарный объем добавленной стоимости, формируемый в «теневом» секторе экономики за P период (за счет экономической выгоды от неформальной занятости) по i видам деятельности;

AV_i – добавленная стоимость по i виду экономической деятельности;

V_i – объем производимой продукции в денежном эквиваленте (выручка от реализации) по i виду экономической деятельности.

Определяется доля «теневое» сектора экономики в валовом региональном продукте (с учетом проведенного досчета «теневое» экономики на уровне $\sum G_{ie}^P$):

$$d_{G_{ie}} = \frac{\sum G_{ie}^P}{\sum G_{ie}^P + ВРП^P}, \quad (6)$$

где:

$ВРП^P$ – валовой региональный продукт за P период (без досчета по теневому сектору экономики);

$\sum G_{ie}^P + ВРП^P$ – валовой региональный продукт за P период (с учетом досчета добавленной стоимости, формируемой в «теневом» секторе экономики).

Сведения о совокупной налоговой нагрузке в регионе позволяют оценить упущенный приток налоговых поступлений в консолидированный региональный бюджет:

$$T_{ie}^P = \frac{\Pi(T_i)^{1/n}}{\Pi(AV_i)^{1/n}} \cdot (\sum G_{ie}^P + ВРП^P), \quad (7)$$

где:

T_{ie}^P – потенциальный объем поступления налогов, формируемый в «теневом» секторе экономики за P период (ущерб региона от недопоступления налогов в консолидированный региональный бюджет);

T_i – поступление налогов в консолидированный бюджет региона по i виду экономической деятельности (налог на доходы физических лиц; поступления от специальных режимов налогообложения).

В случае отсутствия ведомственной информации по распределению совокупных налоговых поступлений по видам экономической деятельности, допускается расчет по следующей формуле:

$$T_{ie}^P = \frac{\sum T^P}{ВРП^P} \cdot (\sum G_{ie}^P + ВРП^P), \quad (8)$$

где:

T_i – совокупное поступление налогов в консолидированный бюджет региона (налог на доходы физических лиц, поступления от специальных режимов налогообложения).

Этап 4

Декомпозиция целевых значений показателей «теневое» сектора экономики на муниципальный уровень и в разрезе видов экономической деятельности

Опрос руководителей предприятий и организаций области подтвердил гипотезу о высоком уровне неформальной занятости в сфере малого бизнеса. Следовательно, в основу разрабатываемой авторами корреляционно-регрессионной модели декомпозиции «теневое» сектора региональной экономики были заложены следующие подходы:

– структура малого бизнеса по видам деятельности отражает структуру и концентрацию «теневое» сектора экономики в отраслевом разрезе;

– пространственное распределение субъектов малого бизнеса отражает распределение «теневое» сектора в разрезе муниципальных образований.

Применение указанного подхода позволило с высокой точностью, совпадающей с экспертными оценками, декомпонировать региональное значение неформальной занятости (S'_x), налоговых платежей (T_{ie}^P) и добавленной стоимости ($\sum G_{ie}^P$), формируемых в «теневом» секторе экономики, по видам экономической деятельности и в разрезе муниципальных образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекжанова, Т. К. К вопросу о проблемах статистического изучения теневой экономики Казахстана [Текст] / Т. К. Бекжанова // Вопросы статистики. – 2012. – № 2. – С. 68–71.
2. Буров, В. Ю. Теневая деятельность малых и средних предприятий [Текст] / В. Ю. Буров // ЭКО. – 2008. – № 4. – С. 67–74.
3. Гимпельсон, В. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальное на российском рынке труда [Текст] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 65–88.
4. Гишкаева, Л. Л. Российский рынок труда: специфика становления и развития [Текст] / Л. Л. Гишкаева // Вестник экономической интеграции. – 2014. – № 1. – С. 122–126.
5. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России [Текст] : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 6 июня 2007 года). – М. : Научный эксперт, 2007. – 760 с.
6. Даримбетов, Б. Н. Теневая экономика в Казахстане: источники и механизмы реализации [Текст] / Б. Н. Даримбетов, М. У. Спанов // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 46–52.

7. Завельский, М. Г. Теневая экономика и трансформационные процессы [Текст] / М. Г. Завельский // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 124–130.
8. Кубишин, Е. Неформальная занятость: сущность, структура [Текст] / Е. Кубишин // Человек и труд. – 2008. – № 12. – С. 10–12.
9. Куклин, А. А. Теневая экономика региона: особенности проявления и методики диагностики [Текст] / А. А. Куклин, Г. А. Агарков // Экономика региона. – 2005. – № 1. – С. 39–53.
10. Левит, С. Р. Ненаблюдаемая теневая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования ее оценок [Текст] / С. Р. Левит // Вопросы статистики. – 2014. – № 6. – С. 20–23.
11. Липов, О. А. Теневой сектор и экономическое развитие региона [Текст] / О. А. Липов // Российское предпринимательство. – 2010. – № 12. – С. 131–136.
12. Лукьянова, А. Л. Использование безусловных квантильных регрессий при оценке влияния неформальности на неравенство [Текст] / А. Л. Лукьянова // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 32 (4). – С. 3–28.
13. Маслова, И. Неформальная занятость в России [Текст] / И. Маслова, Т. Бараненкова // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 89–99.
14. Найденов, А. С. Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий / А. С. Найденов, И. А. Кривенко // Экономика региона. – 2013. – № 1. – С. 46–51.
15. Ореховский, П. Статистические показатели и теневая экономика [Текст] / П. Ореховский // Российский экономический журнал. – 1996. – № 4. – С. 77–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожевников Алексей Викторович – заместитель Губернатора области. Правительство Вологодской области. Россия, 160000, г. Вологда, ул. Герцена, д. 2. E-mail: pr_kozhevnikov@gov35.ru. Тел.: (8172) 23-00-07.

Пономарева Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, начальник департамента. Департамент стратегического планирования Вологодской области. Россия, 160000, г. Вологда, ул. Герцена, д. 2. E-mail: ponomarevasa@gov35.ru. Тел.: (8172) 23-01-65.

Kozhevnikov A.V., Ponomareva S.A.

METHODS FOR DIAGNOSING AND MONITORING OF THE “SHADOW” REGIONAL ECONOMY IN PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

The Vologda Oblast is one of the first regions in the Russian Federation which has formed a complex system of countermeasures against the informal economy: from the methods of the estimation of the informal sector size and the decomposition of informal employment from a perspective of activities and municipalities to the regulatory consolidation of main definitions such as “shadow economy”, “informal employment” in the regional documents of enforcement. The article presents main methodological approaches to the assessment of the shadow economy and informal employment that are based on the official statistical and departmental data taking into account expert, macroeconomic, and correlation indicators. The proposed approach can be recommended for the practical activity of public and municipal authorities. The database and the procedure of the proposed methods can be considered as a form of the monitoring of the shadow economy in the region.

The shadow economy, shadow sector, non-observed economy, regional economy, informal employment, illegal entrepreneurship, diagnosing and monitoring of the shadow economy.

REFERENCES

1. Bekzhanova T. K. K voprosu o problemakh statisticheskogo izucheniya tenevoi ekonomiki Kazakhstana [Issues of Statistical Studies of Shadow Economy in Kazakhstan]. *Voprosy statistiki* [Voprosy statistiki], 2012, no. 2, pp. 68–71.
2. Burov V. Yu. Tenevaya deyatel'nost' malykh i srednikh predpriyatii [Shadow Activity of Small and Medium Enterprises]. *EKO* [ECO], 2008, no. 4, pp. 67–74.
3. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Zhit' «v teni» ili umeret' «na svetu»: neformal'noe na rossiiskom rynke truda [To Live in the Shadows or to Die in the Light: Informality in the Russian Labor Market]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2013, no. 11, pp. 65–88.
4. Gishkaeva L. L. Rossiiskii rynek truda: spetsifika stanovleniya i razvitiya [Russian Labour Market: Specific Features of Formation and Development]. *Vestnik ekonomicheskoi integratsii* [Herald of Economic Integration], 2014, no. 1, pp. 122–126.
5. *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korrupsii i tenevoi ekonomike v Rossii* [State Policy of Countermeasures against Corruption in the Shadow Economy in Russia]. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 6 iyunya 2007 goda) [Proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference (Moscow, June, 6 2007)]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2007. 760 p.
6. Darimbetov B. N., Spanov M. U. Tenevaya ekonomika v Kazakhstane: istochniki i mekhanizmy realizatsii [The Shadow Economy in Kazakhstan: Sources and Mechanisms of Implementation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 12, pp. 46–52.
7. Zavel'skii M. G. Tenevaya ekonomika i transformatsionnye protsessy [The Shadow Economy and Transformational Processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2003, no. 1, pp. 124–130.
8. Kubishin E. Neformal'naya zanyatost': sushchnost', struktura [Informal Employment: Essence, Structure]. *Chelovek i trud* [A Person and Labour], 2008, no. 12, pp. 10–12.
9. Kuklin A. A., Agarkov G. A. Tenevaya ekonomika regiona: osobennosti proyavleniya i metodiki diagnostiki [The Shadow Economy of the Region: Peculiarities of Manifestations and Diagnostic Methods]. *Ekonomika regiona* [Economy of a Region], 2005, no. 1, pp. 39–53.
10. Levit S. R. Nenablyudaemaya tenevaya ekonomika: praktika, problemy i napravleniya sovershenstvovaniya ee otsenok [Non-Observed Economy: Practice, Issues and Improvement Directions for its Measurement]. *Voprosy statistiki* [Voprosy statistiki], 2014, no. 6, pp. 20–23.
11. Lipov O. A. Tenevoi sektor i ekonomicheskoe razvitiye regiona [The Shadow Sector and the Region's Economic Development]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Journal of Russian Entrepreneurship], 2010, no. 12, pp. 131–136.
12. Luk'yanova A. L. Ispol'zovanie bezuslovnykh kvantil'nykh regressii pri otsenke vliyaniya neformal'nosti na neravenstvo [The Impact of Informality on Earnings Inequality: Unconditional Quantile Regressions]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 2013, no. 32 (4), pp. 3–28.
13. Maslova I., Baranenkova T. Neformal'naya zanyatost' v Rossii [Informal Employment in Russia]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2003, no. 9, pp. 89–99.
14. Naidenov A. S., Krivenko I. A. Tenevaya ekonomika v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: diagnostika sostoyaniya i prognozirovanie posledstviy [Shadow Economy in the Context of Economic Crisis: Circumstance Analysis and the Forecasting of Consequences]. *Ekonomika regiona* [Economy of a Region], 2013, no. 1, pp. 46–51.
15. Orekhovskii P. Statisticheskie pokazateli i tenevaya ekonomika [Statistics and the Shadow Economy]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 1996, no. 4, pp. 77–83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kozhevnikov Aleksei Viktorovich – Deputy Governor. The Vologda Oblast Government. 2, Gertsen Street, Vologda, 160000, Russia. E-mail: pr_kozhevnikov@gov35.ru. Phone: +7(8172) 23-00-07.

Ponomareva Svetlana Anatol'evna – PhD. In Economics, Head of the Department. The Department of Strategic Planning of the Vologda Oblast. 2, Gertsen Street, Vologda, 160000, Russia. E-mail: ponomarevasa@gov35.ru. Phone.: +7(8172) 23-01-65.